

Ирина ЛИННИК

СУХОЦВЕТЫ

Ира Малинник (Ирина Линник) родилась в Минске. Работает техническим писателем в IT-компании. Автор романа о войне 1990-1991 годов в Персидском заливе (доступен к заказу в издательстве «Автограф»), сборника авторских сказок по мотивам ирландского фольклора, сборника рассказов в жанре научной фантастики. Финалист конкурса Open Eurasian Literary Festival & Book Forum 2021 в номинации «Лучшая работа для детей». Регулярно публикуется в крупных писательских пабликах в социальной сети ВКонтакте. В феврале 2022 года стала бронзовым призёром конкурса «Пиши за гроши – 17». Живёт в Минске.

Дом пропах стыlostью. Едва Ася переступила порог, в горле запершило, половицы под её ногами тихо скрипнули.

— Чтоб тебя, — мать, пыхтевшая где-то сзади, несильно пихнула дочь локтем и просочилась внутрь, волоча за собой баулы и сумки. — Стала на проходе, не пройти.

Ася заходить внутрь не торопилась. Постояла немного, давая глазам привыкнуть к темноте, вдыхая и знакомый, и незнакомый запах бабушкиного дома. Знакомый — потому что в нём всё так же улавливались травы, старые книги и табак. Незнакомый — потому что поверх всего витал резкий и острый запах лекарств и смерти.

Бабушка умерла неделю назад, а приехать мать с Асей смогли только сейчас. Собирали вещи, ругались и сутились, не могли прийти к общему согласию. Мать настаивала на том,

чтобы переехать в дом насовсем (до города рукой подать!), Ася упиралась. Решили пока приехать на всё лето, а дальше смотреть по ситуации. Хотя, скорее всего, ситуацию создаст Асина мать, но об этом пока думать было рано.

Ася, наконец, вошла в дом и тут же чихнула. Мать, уже сутевившаяся с сумками где-то в глубине комнат, недовольно сказала:

— Конечно, чихаешь! А ты думала, тут всё прибрано будет к твоему приезду? Сейчас сумки разложим — и за уборку. Стоишь как на выставке.

Ася не отвечала. Вместо этого прошла на кухню, осторожно потрогала висящие у потолка травы и цветы. Вспомнилось, как бабушка, сажая маленькую Асю на колени, показывала ей каждый пучочек и приговаривала:

— Это, Асенька, польнь — нечисть отпугивать. Она хоть и горькая, но очень полезная. А вот это — чабрец. Его добавляют в чай, чтобы спалось лучше. А это знаешь что?

— Зверобой! — радовалась Ася, узнавая мелкие жёлтые цветочки.

— Верно, — бабушка улыбалась, гладила по голове, и внутри у Аси всё теплело и обмирало. — Зверобой тоже отгоняет злых духов...

А дальше воспоминание обрывалось, срывалось с места испуганной птицей и, теряя перья,

неслось прочь. Потому что мать каждый раз кричала, что бабушка засоряет голову ребёнка ерундой и что лучше бы она протирала пыль с икон, чем развешивала свою чертовщину по всему дому. Бабушка же в ответ на это ничего не говорила, только молча кивала, а после целовала Асю в макушку и велела: «Иди побегай на дворе». И Ася послушно бежала, а за спиной у неё клокотало мамино недовольство над смиренным спокойствием бабушки...

Ася рассеянно подняла голову, и её взгляд тут же упёрся в большую пыльную икону. С иконы на неё печально и укоризненно глядело искусно нарисованное лицо, которое Ася, как ни пыталась, не могла узнать. Для неё все святые были на одно лицо, но при матери она об этом умалчивала. Мать же, войдя вслед за дочерью на кухню, остановилась и тут же истово перекрестилась, глядя на икону.

— Пыль хоть протри, господи! Одна уже грех на душу взяла, иконы в пыли держала, а вторая стоит и смотрит! Побойся Бога, я сейчас тебе тряпку найду.

Мать унеслась обратно в комнату, и до Аси донеслась какофония, состоящая из шипящей ругани (да где же эта чёртова тряпка), жалобного визга молний на сумках и шороха пакетов. Ася снова посмотрела на икону, прямо в глаза неведомому святому, но он остался для неё тем же, кем был всю жизнь, — нарисованной

плоской картинкой, неживой и не внушающей доверия.

Она ужом выскользнула обратно, во двор, прихватив со стола связку засохшего зверобоя — прямо перед тем, как мать ворвалась на кухню, размахивая тряпкой. В спину только донеслось «Ааасяааа», но Ася уже быстро шагала по тропинке, прямо к лесу.

Она никогда не боялась леса, даже будучи маленькой. Перед тем как лечь в кровать, Ася подбегала к окну и глядела на чёрную громаду леса, возвышающуюся прямо перед домом. Колючие ветки зачаровывали её, а иногда ей казалось, что в самой глубине этой темноты блестят чьи-то глаза. Тогда Ася быстро бежала обратно к своей кровати, накрывалась с головой, а бабушка посмеивалась и поправляла ей одеяло.

— Бабушка, а из леса никто не придёт? — спрашивала Ася, в глубине души надеясь услышать, что кто-то да придёт.

— Нет, никто — а кому приходиться? У нас везде зверобой и польнь развешаны. Но ты леса не бойся, Асенька, — бабушкин голос убаюкивал, журчал, и Ася качалась на его волнах, как в колыбели. — Лес, он добрый, он тебя знает. Помнишь, мы гуляли и увидели белочку? Белочка тебя запомнила и другим рассказала.

Ася смеялась, вспоминая белочку, а бабушка уговаривала

закрывать глазки и уснуть, и Ася слушалась и тут же проваливалась в теплую негу, где не было места ничему злему и сердитому. И сейчас, подходя к лесу, она ощутила в груди то же самое тепло, как в детстве, — как будто она пришла повидать старого друга.

Лес приветственно зашелестел кроной, пропуская Асю. Она шла наугад, под ногами у неё змеились узкие, засыпанные хвоей тропинки, но она шагала уверенно, зная, что непременно выйдет на поляну. И чутьё не подвело её: вскоре Ася очутилась в центре небольшой, залитой солнцем поляны.

Они часто приходили на эту поляну вместе с бабушкой, уставшие после сбора грибов и ягод. Маленькая Ася обычно тут же выбегала в центр и падала спиной вниз на пружинистую густую траву, а бабушка неспешно шла за ней, ставила корзинку на землю, а потом из ниоткуда доставала пирожки, бережно завёрнутые в тряпицу. Тёплые, пахучие, полные начинки, они казались уставшей Асе самым лучшим лакомством на земле, а бабушка посмеивалась, глядя на внучку. А после, когда Асю начинала разбирать дремота, бабушка расстилала на земле покрывало, и они усаживались на него. Ася клала бабушке голову на колени, а та гладила её по волосам и рассказывала про

хозяйина леса — лешего, про русалок и навок, про зыбочников и зазювок. И Ася слушала и слушала, падая в сон и не видя, что бабушка изредка поднимала голову и улыбалась кому-то, кто тоже слушал её рассказы из лесной чащи.

Поляна была точно такая же, какой она сохранилась в памяти Аси. Она прошла в центр, сдёрнула с плеч тонкую куртку и села на землю. Земля была тёплая, пропитанная июльскими лучами, и Ася куртку убрала, села прямо на траву. Закрыла глаза, вздохнула. Вокруг разливалась летняя истома: пряный горьковатый запах трав и нагретой солнцем хвои, шелест листьев, пересвист птиц, скрип веток на ветру. Ася открыла глаза и оглядела поляну. Ромашка, иван-чай, чабрец, солодка, душица — перед Асей качалось на ветру огромное цветное полотно.

Она вскочила на ноги, и из её глаз сами собой полились горячие злые слёзы. Она принялась собирать цветы, бережно, как учила бабушка, а слёзы всё текли и текли — невысказанное прощание, затаённая горечь, тоска и разочарование. Она так и не успела попрощаться с бабушкой: институт, мать не пускала, какие-то бытовые дела, а потом пришла новость, и прощание оказалось уже никому не нужным. Только и оставалось, что заняться похоронами, и Ася злилась на

саму себя, что погрязла в трясине каких-то никому не нужных мелочей, а о настоящих вещах забыла.

Цветы послушно собирались в венок, и Ася всё плела и плела, позволяя рукам полностью выполнять работу, пока сердце выплакивало накопившуюся боль. Наконец, последний цветок закончил венок, и Ася надела его на голову. На миг ей показалось, что ей на волосы легли не цветы, а бабушкина рука, до того невесомым было касание. Кто-то ухнул из чащи одобрительно, и Ася почему-то знала, что это не сойка и не кукушка.

— Прости меня, бабушка, — сказала Ася вслух, и её голос был предательски сиплым. — Прости, что не навещала, и прости, что не попрощалась. Я очень по тебе скучаю. И очень тебя люблю.

Из чащи снова заухало сочувственно, а поднявшийся ветер запустил перед глазами Аси цветной kaleidoscope. Белое, жёлтое, синее и красное мельтешило перед её глазами, складывалось в причудливый узор. И точно так же, как складывались вместе цвета, в самой Асе складывались вместе мысли, которые были единственно правильными и о которых она давно не позволяла себе думать.

Смеркалось. Мать, потная и злая, вышла во двор с тряпкой и в который раз закричала:

— Ааасяааа!

Никто не отозвался, и это злило мать донельзя. За день она отдраила дом, протёрла иконы и на каждую подышала бережно перед тем, как ставить назад. Выбросила все засохшие пучки трав, собрала вместе тряпицы и лоскуты и сожгла на заднем дворе, чтобы пыль не собирать. Заодно позвонила сестре, дала указания, где и каких искать жильцов на квартиру, — что ей, зря в городе пустой простаивать, пока они тут живут? На свежем воздухе полезнее, а Аську она мигом переубедит, не для того она её растила столько лет, чтобы с капризами считаться. Ну,

пусть только появится, уж она с ней поговорит...

— Аааааасяяя!

— Ой, а Асенька уехала, — сгорбленная соседка подошла к калитке, улыбнулась доброжелательно. — На станции была, весёлая такая, улыбалась. Веночек на голове. Моя ещё её спросила, мол, куда ты, домой? А ваша отвечает: «Нет, в новую жизнь!» Какая она у вас интересная!

Женщина выпустила из рук грязную тряпку, и та с шуршанием упала на землю. За спиной, через свежевывмытые окна, в лучах закатного солнца багрянцем горели иконы.